

УДК 159.9:61

СТРУКТУРНО- ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ НА ОСНОВЕ УРАВНЕНИЯ К. ЛЕВИНА

Розанов И.А. (г.Москва)

Розанов Иван Андреевич

Кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Отдела психопрофилактики НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава России

E-mail: exelbar@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2607-8848>

Аннотация

Цель исследования: разработать структурно-динамическую модель ценностно-смысловой регуляции деятельности на основе уравнения К. Левина для описания механизмов адаптации в условиях повышенной стрессогенности. Материалы и методы: проведена теоретико-математическая реконструкция уравнения поведения. Эмпирическая валидация выполнена на выборке 1 398 респондентов условной нормы и 120 пациентов с непсихотическими психическими расстройствами. Использованы трехуровневая оценка ценностно-смысловой сферы (сознательный, предсознательный и бессознательный уровень), шкала социальной фрустрации, множитель тяжести состояния (λ), индексы деформации ценностно-смысловой сферы (DVm). Применены регрессионный и ROC-анализ. Результаты: Регрессионный анализ показал, что коэффициент детерминации (R^2) для обобщённой модели составил 0,779. Это свидетельствует о том, что до 77,9% вариативности показателей поведенческого риска в клинической выборке и в группе условной нормы ассоциировано с предикторами, включёнными в модель. Подтверждён статистически значимый модерационный эффект взаимодействия DVm и λ . Прогностическая точность классификации риска развития психической дезадаптации высокая ($AUC=0,902$). Выявлены пороговые значения перехода к нестабильной адаптации. Выводы: Дезинтеграция ценностно-смысловой сферы выступает одним из ключевых механизмов, обуславливающих риск развития психической дезадаптации. Модель обладает достаточно высокой прогностической ценностью и перспективна для применения в системах поддержки принятия решений как в клинической практике (индивидуальный подбор терапевтических стратегий, планирование реабилитации, мониторинг динамики состояния), так и в управлении ресурсами системы охраны психического здоровья: кадровыми (оптимизация нагрузки специалистов, распределение клинических случаев по уровню сложности), финансовыми (приоритезация финансирования профилактических программ для групп риска), организационными (планирование коечного фонда, маршрутизация пациентов) и временными ресурсами (раннее выявление продромальных состояний для своевременного вмешательства).

Ключевые слова: ценностно-смысловая регуляция, уравнение Левина, дезадаптация, стрессогенность, моделирование, клиническая психология, системы поддержки принятия решений.

Для цитаты: Розанов И.А. Структурно-динамическая модель ценностно-смысловой регуляции деятельности: теоретико-математическая реконструкция на основе уравнения К. Левина. // Медицинская психология в России: сетевой науч. журн. 2026. Т.18. №2(91). С.79-93. URL: <https://doi.org/10.24884/2219-8245-2026-18-2-80-94>.

Введение

В современной клинической психологии приоритетным направлением является комплексный анализ этиопатогенетических механизмов психической дезадаптации, обусловленных совокупным воздействием макросоциальных стрессоров, включая последствия специальной военной операции [1], экономическую нестабильность, миграционные процессы [2] и трансформацию социальных институтов, неопределенностью жизненной перспективы [3], последствия карантинов и эпидемий [4]. Это подтверждается статистически значимым ростом заболеваемости расстройствами непсихотического спектра, аффективными нарушениями и девиантным поведением в популяции, особенно среди уязвимых категорий граждан, таких как ветераны боевых действий, их семьи и представители профессий социальной сферы, сталкивающиеся с хроническим адаптационным напряжением и риском эмоционального выгорания, что на фоне формирования устойчивого фонового стресса может приводить к психосоматическим заболеваниям и снижению устойчивости адаптационного барьера. В данных условиях критическую роль в сохранении психического здоровья и обеспечении устойчивости личности приобретает ценностно-смысловая сфера (ЦСС) [5], функционирующая как ключевой регулятор деятельности, мотивации и копинг-стратегий. Однако под воздействием экстремальных и хронических стрессогенных факторов данная система подвергается риску деформации [6], рассогласованию декларативных и реальных установок и утрате целостности самосознания. Клинически это может манифестировать в виде невротических расстройств, зависимого поведения [7]; на уровне поведения это проявляет себя в виде социальной дезадаптации [8], усугубляемой снижением доверия к социальным институтам и фрустрацией базовых потребностей. В связи со сказанным выше особую научную и практическую актуальность приобретает глубокое исследование механизмов ценностно-смысловой регуляции деятельности [9].

Ценностно-смысловая регуляция деятельности представляет собой высший интегративный уровень психической саморегуляции, в котором посредством динамического согласования когнитивных [10], мотивационных [11], эмоциональных [12] и экзистенциальных [13] компонентов психики обеспечивается целостность личностной организации и регуляция поведения. Структурная целостность и согласованность ценностно-смысловой сферы (ЦСС) обеспечивают онтологическую устойчивость личности. Сохранение субъектности поддерживается независимо от дезорганизации внешних социальных институтов и моральных ориентиров. ЦСС функционирует как системообразующий компонент психической организации, а не как контекстуальный фон [14]. ЦСС способна определять направленность, гибкость и этическую целостность поведенческих программ, выступая в качестве внутреннего фильтра, влияющего на принятие решений и определяющего регуляцию поведения [11], опосредующего оценку внешних воздействий и предотвращающего импульсивность и когнитивную дезорганизацию. В клинко-психологическом контексте данная сфера функционирует как ядро барьера психической адаптации, где сохранная ценностная иерархия с доминированием терминальных ценностей обеспечивает возможность гибкой модуляции стратегий совладания [15] и включения травматического опыта в структуру личностного роста [16]. В то же время её деформация, проявляющаяся в инверсии иерархии, фрагментации временной перспективы, рассогласовании между декларируемыми ценностями и реальным поведением и утрате смыслообразующей функции мотива, выступает патогенетическим фактором формирования расстройств непсихотического спектра, посттравматического стрессового расстройства [17], зависимого [18] и девиантного поведения. Эта рассогласованность ЦСС способна обуславливать переход адаптационного напряжения в психическую и социальную дезадаптацию, повышать риск развития девиантного поведения [8].

Учитывая, что ценностно-смысловая регуляция в ситуациях повышенной стрессогенности реализует оценочную, мотивационную, регуляторную и идентификационную [10] функции, испытывает воздействие как индивидуальных, так и макросоциальных факторов, её анализ требует перехода от статичного описания содержания ценностей к процессуальному моделированию структурно-динамических взаимосвязей, отражающих закономерности трансформации регуляторного потенциала личности. Это обосновывает актуальность теоретико-математической реконструкции данных механизмов. Представляется логичным построить математическую модель на основе уравнения поведения К. Левина.

Выбор уравнения К. Левина в качестве теоретико-методологической основы моделирования обусловлен тем, что данная концепция предоставляет уникальный аппарат для формализации взаимодействия личностных и средовых детерминант поведения в едином

жизненном пространстве. В отличие от линейных стимульно-реактивных моделей, теория поля К. Левина позволяет представить ценностно-смысловую сферу как динамическую систему векторов сил, где внутренние конфликты (противоречия между ценностями и антисоциальными ценностями) и внешние барьеры (стрессогенные воздействия) могут быть описаны в терминах топологического анализа. Это создаёт методологическую основу для количественной оценки структурной дезинтеграции ЦСС и её влияния на поведенческую дезадаптацию, что особенно значимо в условиях повышенной стрессогенности, когда традиционные описательные подходы оказываются недостаточными для выявления скрытых механизмов регуляции.

Разработка структурно-динамической модели, базирующейся на уравнении К. Левина, согласно нашему мнению, позволит системно описать взаимосвязь между личностными детерминантами и средовыми воздействиями в условиях повышенной стрессогенности, выявить закономерности трансформации ценностных ориентиров как защитного ресурса или фактора риска, а также обосновать методы ранней диагностики и профилактики психических расстройств через восстановление смысловой целостности личности в соответствии с задачами укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей и обеспечения национальной безопасности, что требует перехода от статичного анализа к процессуальному моделированию динамики адаптации и дезадаптации в условиях повышенной стрессогенной нагрузки.

Цель исследования: разработать и теоретически обосновать структурно-динамическую модель ценностно-смысловой регуляции деятельности на основе уравнения К. Левина для описания механизмов адаптации и дезадаптации личности в условиях повышенной стрессогенности, а также провести предварительную эмпирическую валидацию предложенной модели.

Материалы и методы исследования

Эмпирическое исследование реализовано в рамках государственного задания «Разработка системы оценки социальной напряжённости и риска социально-агрессивного поведения» (рег. № 124020800065-6, дата регистрации – 8 февраля 2024 г.), выполненного в ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского» Минздрава России. Исследование проводилось на двух выборках: клинической и условно нормативной (панельной).

Клиническая выборка включала 120 пациентов, обследованных в условиях повышенной стрессогенности (попадание в тяжелую жизненную ситуацию, воздействие макросоциальных стрессовых событий – согласно анамнестическим данным) и диагностированных по критериям МКБ-10. Средний возраст составил $40,8 \pm 14,3$ года (диапазон 18–85 лет); 78 (65,0 %) – женщины, 42 (35,0 %) – мужчины. Распределение по нозологическим категориям: аффективные расстройства (F3x) – 54 (45,0 %), психические и поведенческие расстройства, связанные с употреблением психоактивных веществ (F10–F19) – 46 (38,3 %), посттравматическое стрессовое расстройство и смешанные тревожно-депрессивные состояния (F43.1, F41.2) – 10 (8,3 %), органическое аффективное расстройство (F06.3) – 4 (3,3 %), эмоционально неустойчивое расстройство личности (F60.3) – 6 (5,0 %). Все участники прошли комплексную диагностическую процедуру в стационарных и амбулаторных условиях; критерии включения: отсутствие острых психотических состояний, грубых когнитивных нарушений и состояния опьянения на момент обследования.

Условно нормативная (панельная) выборка была сформирована на основе квотированного многоступенчатого дизайна и включала 1 398 человек из 10 регионов Российской Федерации (Москва, Московская, Самарская, Свердловская, Челябинская, Волгоградская, Ростовская области, Краснодарский край, Республика Татарстан, Республика Башкортостан) в возрасте от 16 до 65 лет (средний возраст $40,3 \pm 14,97$ года), сбалансированной по полу (51,4% – женщины, 48,6% – мужчины) [19]. Критерии включения: добровольное участие, возраст ≥ 18 лет, отсутствие психотических, когнитивных расстройств и зависимости от психоактивных веществ.

Для верификации структурно-динамической модели ценностно-смысловой регуляции применялся трёхуровневый диагностический комплекс, реализованный в виде специализированного программного обеспечения и разработанный в соответствии с теоретико-методологическими положениями отечественной клинической психологии. Программный комплекс зарегистрирован в Реестре программ для ЭВМ Российской Федерации под номером 2025687721 от 15.10.2025 («Программа для оценки риска социальной напряженности и социально-агрессивного поведения»; правообладатель – ФГБУ «НМИЦ ПН

им. В. П. Сербского» Минздрава России; авторы: Шпорт С.В., Булыгина В.Г., Тюленев А.В., Розанов И.А., Дубинский А.А., Проничева М.М.) [20].

Диагностический комплекс включал:

1) Модифицированный метод выявления базисных ценностей (МБЦ) – трёхэтапная процедура: (а) выбор 10 приоритетных ценностей из 24 социально значимых установок; (б) выделение 3 ценностей, от которых допускается отказ в сложных обстоятельствах; (в) определение 3 нормативно-незаменимых (базисных) ценностей, от которых отказ невозможен ни при каких условиях.

2) Психосемантический анализ с использованием семантического дифференциала Ч. Осгуда в двух модальностях: (а) вербальной (оценка слов-понятий); (б) визуальной (оценка метафорических изображений, отобранных экспертным путём). По каждой модальности рассчитывались евклидовы расстояния между вектором «Моё настоящее Я» и каждой из 10 индивидуально выбранных ценностей в трёхфакторном пространстве (Оценка, Сила, Активность).

3) Дополнительные методики: опросник самоконтроля Х. Грасмика, шкала легитимизации агрессии (С.Н. Ениколопов, Н.П. Цибульский), шкала уровня социальной фрустрированности (УСФ-20), шкала психологического стресса (PSM-25) [21].

Все процедуры проводились с использованием автоматизированного программного обеспечения, разработанного в НМИЦ психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского, обеспечивающего стандартизацию предъявления стимульного материала, автоматический расчёт евклидовых расстояний, дискриминантных функций и классификацию по четырёхкритериальному алгоритму оценки риска дезадаптации.

Исследование прошло обязательную этическую экспертизу в Локальном этическом комитете НМИЦ психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского (протокол № 47/1 от 12.05.2025).

Результаты исследования

1) Построение математической модели ценностно-смысловой регуляции деятельности на основе уравнения К. Левина

В современной психологической науке особое место занимает теория поля К. Левина, предложенная в 1930–1940-х гг. и представляющая собой системный, динамический и контекстуальный подход к анализу поведения, включая поведение в условиях стрессогенного давления. Левин отвергал редукционистские интерпретации, сводящие поведение к сумме стимулов и реакций (S–R), и вместо этого предложил уравнение:

$$B = f(P, E),$$

где В – поведение (behaviour), f – функция, Р – личность (person), Е – окружающая среда (environment), причём и личность, и среда рассматриваются не как независимые переменные, а как взаимовложенные, взаимоопосредованные компоненты единого жизненного пространства (Lebensraum) – основной аналитической единицы теории поля К. Левина [22]. Жизненное пространство понимается как целостная, динамически организованная система, включающая все психологически значимые для субъекта объекты, цели, барьеры, потребности и переживания, находящиеся в состоянии напряжённости и стремящиеся к разрядке [23].

Согласно теории поля К. Левина, поведение детерминировано потребностями, порождающими напряжение, разрядка которого блокируется барьерами, формирующими конфликтные ситуации и психологический стресс как динамический дисбаланс между направленностью потребности и структурой жизненного пространства [24]. Стрессогенность обусловлена структурной несогласованностью поля, где векторы сил встречают сопротивление, превышающее потенциал разрядки, а ключевым регуляторным механизмом выступают психологические границы [25]: их ригидизация характерна для хронического стресса, тогда как эластичность при умеренном напряжении обеспечивает согласование внутренних ценностей и внешних требований [26]. Топологический анализ данных элементов (зон, векторов, барьеров) позволяет диагностировать источники дезадаптации и обосновывает рассмотрение ценностно-смысловой сферы как высшего уровня организации жизненного пространства, сохраняющего его целостность даже при высокой силе стрессогенных воздействий.

В современной междисциплинарной модели стресса теория поля Левина обеспечивает логические взаимосвязи между: нейрофизиологическим уровнем (векторы сил как нейродинамические градиенты активации); психологическим уровнем (мотивы, цели, барьеры как осознаваемые и неосознаваемые регуляторы); социально-культурным уровнем (нормы,

роли, институты как структурирующие границы жизненного пространства). Она позволяет понять, почему стресс является не линейной функцией объективной нагрузки, а результатом сложного взаимодействия внутренних ресурсов и внешней структуры требований, и почему эффективные стратегии совладания должны быть направлены не только на снижение нагрузки, но и на перестройку субъективного жизненного пространства, включая пересмотр ценностных приоритетов, редукцию внутренних конфликтов и повышение проницаемости психологических границ [27].

Для теоретического моделирования регуляторной функции ЦСС предложена структурно-динамическая модель, формализованная на основе теории поля К. Левина и расширенная за счёт введения ЦСС как доминирующего регулятора поведения.

Исходное уравнение поведения по К. Левину: $B = f(P, E)$. В рамках предлагаемой структурно-динамической модели ценностно-смысловой регуляции деятельности личность P структурируется как:

$$P = V_m + D + C,$$

где V_m – ценностно-смысловая сфера (ядро психической саморегуляции), D – динамические черты (потребности, мотивы, установки), C – когнитивные и поведенческие компетенции (знания, навыки, привычки, predispositions). Поскольку ключевой фокус исследования сосредоточен на ценностно-смысловой сфере, следует рассматривать V_m как доминирующую составляющую P в приведенном уравнении. Ценностно-смысловая сфера, обозначенная как V_m , включает в себя три уровня: V_m^+ – сознательный уровень, V_m^0 – предсознательный, V_m^- – бессознательный. Каждый из этих уровней содержит: V – ценности (с позитивным зарядом, +), $\neg V$ – антисоциальные ценности (с негативным зарядом, -). В связи с этим:

$$V_m = V_m^+(V^+, \neg V^+) \cup V_m^0(V^0, \neg V^0) \cup V_m^-(V^-, \neg V^-).$$

Поведение в разрабатываемой структурно-динамической модели зависит от согласованности указанных компонентов (структурная целостность и согласованность ценностно-смысловой сферы сознательном, предсознательном и бессознательном уровнях) и их взаимодействия со средой (способность к реализации ценностей и отсутствие/наличие расхождения между декларируемыми ценностями и реальным поведением). Это позволяет сформировать обобщенную модель поведения:

$$B = f((V_m^+(V^+, \neg V^+), V_m^0(V^0, \neg V^0), V_m^-(V^-, \neg V^-)), E),$$

или, более компактно:

$$B = f(V_m, E).$$

Смысл уравнения заключается в том, что поведение определяется функцией от ценностно-смысловой сферы (включающей три уровня с потенциально конфликтующими ценностями и антисоциальными установками [28]) и параметров окружающей среды.

Накопленный теоретико-методологический опыт позволяет вывести уравнение для поведения в состоянии дезадаптации (B_{dis}) при психической и/или социальной дезадаптации.

Дезадаптация возникает при наличии следующих условий:

1) В пределах одного и того же уровня организации ЦСС наблюдается одновременное присутствие и конфликт просоциальных ценностей (с позитивным зарядом) и антисоциальных ценностей (с негативным зарядом). Данное условие определяется как внутриуровневый конфликт, который может возникать на любом из трех уровней: сознательном, предсознательном или бессознательном. Это означает, что на одном из уровней ЦСС одновременно присутствуют и вступают в противоречие как просоциальные ценности, так и антисоциальные установки, что провоцирует интрапсихический конфликт и нарушает структурную целостность данного уровня.

2) Между уровнями ценностно-смысловой сферы возникает конфликт (межуровневая диссоциация) – то есть наблюдается противоречие между различными уровнями организации ЦСС (сознательным, предсознательным и бессознательным). Данное условие определяется как межуровневый конфликт, при котором различные уровни ЦСС находятся в оппозиции друг к другу. Например, сознательные ценности могут противоречить бессознательным антисоциальным установкам, или предсознательные компоненты могут находиться в конфликте с сознательными ценностными ориентациями. Такая рассогласованность между уровнями приводит к нарушению интегративной функции ЦСС и дезорганизации ценностно-смысловой регуляции деятельности.

3) Среда E содержит стрессогенные ситуации S , которые усиливают внутриуровневые и межуровневые конфликты: $S \subseteq E$, где S – множество стрессогенных ситуаций.

Тогда:

$$B_{dis} = f(V_m, E),$$

при соблюдении трех условий:

- 1) $\exists i \in \{+, 0, -\}: V^i \cap \neg V^i \neq \emptyset$ (внутриуровневый конфликт),
- 2) $\forall \exists i \neq j: V_m^i \perp V_m^j$ (межуровневый конфликт),
- 3) $\wedge S \subseteq E$, где S – стрессогенные ситуации.

Допустима альтернативная формализация B_{dis} через аппарат булевой алгебры. Введем индикатор дезадаптации $\delta \in \{0, 1\}$: $\delta = 1$, если выполняется хотя бы одно из условий (1)–(3), в противном случае $\delta = 0$. Тогда:

$$B_{dis} = \delta \cdot f(V_m, E).$$

или, если рассматривать B_{dis} как особый «режим» регуляции деятельности:

$$B_{dis} = f(V_m, E \mid \delta = 1).$$

В рамках структурно-динамического подхода к анализу ценностно-смысловой регуляции деятельности дезадаптивные поведенческие паттерны рассматриваются как функциональное состояние, возникающее при конъюнкции трёх патогенетических условий, описанных выше (внутриуровневый конфликт, межуровневый конфликт, стрессогенные ситуации), каждое из которых отражает нарушение целостности регуляторной системы на определённом уровне организации. На этой теоретико-методологической основе формируется обобщённое уравнение ценностно-смысловой регуляции деятельности при психической дезадаптации, в котором поведенческий исход представлен как функция от трёхуровневой организации ценностно-смысловой сферы, параметров внешней среды и модулирующего множителя, отражающего степень структурной деформации регуляторной системы и тяжесть клинического состояния.

Обобщенная формула поведения, учитывающая деформации ЦСС и тяжесть состояния, представляет собой произведение базовой функции поведения на модулирующий множитель:

$$B = [1 + \lambda \cdot D_V] \cdot f(V_m^+(V^+, \neg V^+), V_m^0(V^0, \neg V^0), V_m^-(V^-, \neg V^-), E),$$

где: B – наблюдаемое поведение, $f(\cdot)$ – функция поведения по Левину, зависящая от трёхуровневой ценностно-смысловой сферы (V_m) и окружающей среды (E), D_V – индекс деформации ценностно-смысловой сферы, обусловленной психическим заболеванием. Это количественная мера нарушений в структуре V_m , включающая: усиление внутриуровневых в ($V^i \cap \neg V^i \neq \emptyset$) и межуровневых конфликтов ($V_m^i \perp V_m^j$), искажение или разрушение ценностных иерархий. Сказанное выше справедливо при $D_V \geq 0$, где $D_V = 0$ – отсутствие деформации (норма). В представленном выше уравнении λ – множитель тяжести течения психического заболевания, позволяющий учитывать клинко-анамнестические данные. При этом $\lambda \in [0, +\infty)$, где: $\lambda = 0$ – отсутствие заболевания, $\lambda = 1$ – доклиническое течение заболевания, $\lambda > 1$ – выраженный клинический уровень. Множитель $[1 + \lambda \cdot D_V]$ является коэффициентом модуляции эффекта деформации. При $D_V = 0$ он равен 1 (норма). При росте D_V и λ поведение всё сильнее отклоняется от адаптивного, что соответствует дезадаптации (B_{dis}).

На основе приведенных выше построений можно вывести возможным вывести уравнение ценностно-смысловой регуляции поведения в норме. В норме отсутствуют структурные деформации ЦСС:

$$B_{norm} = [1 + 0 \cdot 0] \cdot f(V_m^+(V^+, \neg V^+), V_m^0(V^0, \neg V^0), V_m^-(V^-, \neg V^-), E) \Rightarrow \\ B_{norm} = f(V_m^+(V^+, \neg V^+), V_m^0(V^0, \neg V^0), V_m^-(V^-, \neg V^-), E).$$

Условия для нормы (состояние сбалансированной психической адаптации):

- 1) $D_V = 0$: отсутствие патологических деформаций ЦСС (внутри- и межуровневые конфликты минимальны, согласованность уровней высока),
- 2) $\lambda = 1$: множитель тяжести заболевания равен единице (это шкальный эталон, который не означает наличие болезни). Референсное (базовое) значение множителя, используемое как шкальный эталон при нормировке коэффициентов (соответствует группе с наименьшей выраженностью дезадаптации или доклиническому уровню); иными словами – это базовое значение множителя, принятое за шкальный эталон (референсная группа с минимальной тяжестью состояния).

Из модели следует градация состояний: при $\lambda = 1$ и $D_V > 0$ – умеренная дезадаптация (доклинический уровень, продрома), при $\lambda > 1$ и $D_V > 0$ – выраженная дезадаптация (выраженный клинический уровень), при $\lambda = 1$ и $D_V = 0$ – идеальная адаптация (норма).

Предложенная теоретико-математическая реконструкция ценностно-смысловой регуляции деятельности в стрессогенных ситуациях, основанная на уравнении К. Левина, позволяет перевести абстрактное понятие ценностно-смысловой регуляции в операционализируемые клинико-психологические конструкты, доступные для эмпирической проверки.

2) Результаты эмпирической валидации математической модели ценностно-смысловой регуляции деятельности, построенной на основе теории поля К. Левина

В рамках проверки валидности математической модели ценностно-смысловой регуляции, построенной на основе обобщённого уравнения К. Левина, был проведён анализ данных 1 398 респондентов из группы условной нормы и 120 пациентов с различными формами психической дезадаптации. Оценка ценностно-смысловой сферы осуществлялась на трёх уровнях: сознательном, предсознательном и бессознательном [29]. На основе этих данных был рассчитан индекс деформации ценностно-смысловой сферы (DVm), отражающий степень внутренней несогласованности – включая противоречия внутри одного уровня, расхождения между уровнями, фрагментацию иерархии и несоответствие между декларируемыми ценностями и поведенческими паттернами.

Индекс DVm формировался на основе четырёх ключевых компонентов. Во-первых, внутриуровневый конфликт – проявляется как несоответствие между ценностями, включёнными в число приоритетных (выбор 10 из 24), и теми, от которых респондент допускает отказ при изменении обстоятельств; такое расхождение интерпретируется как маркер внутреннего напряжения и ослабления регуляторной функции ЦСС. Во-вторых, межуровневая диссоциация – определяется как расхождение в эмоционально-семантической близости одних и тех же ценностей при их оценке в вербальной (предсознательный уровень) и визуальной (бессознательный уровень) модальностях посредством семантического дифференциала Ч. Осгуда. Данное несоответствие свидетельствует о фрагментации, при которой ценность формально сохраняется в системе убеждений, но не интегрирована в аффективно-поведенческий репертуар и не функционирует как эффективный регулятор поведения [30] (т.н. «островная интеграция»):. В-третьих, инверсия иерархии – проявляется в доминировании установок, связанных с антисоциальными ценностями («Забота о себе», «Личные цели», «Идти своим путём и не быть должным никому» и др.) [31] в структуре нормативно-незаменимых (базисных) ценностей, то есть тех, от которых человек заявляет, что не откажется ни при каких условиях; это указывает на подмену терминальных, трансперсональных смыслов инструментальными или выживальческими стратегиями. В-четвёртых, несогласованность между декларируемыми ценностями и поведенческими индикаторами – выявляется при сопоставлении вербальных приоритетов (например, «духовность», «милосердие», «достоинство») с объективными показателями регуляторного дефицита (импульсивность, несдержанность аффекта, склонность к риску, низкая физическая активность), что служит индикатором когнитивно-аффективной рассогласованности и нарушения функции целеполагания.

Количественный расчёт индекса DVm осуществлялся по следующему алгоритму. Каждый из четырёх компонентов преобразовывался в нормированный показатель от 0 до 1:

1) Внутриуровневый конфликт. Проявляется как несоответствие между ценностями, включёнными в приоритетные (выбор 10 из 24), и теми, от которых респондент допускает отказ. Такое расхождение маркирует внутреннее напряжение и нарушение регуляторной функции ЦСС:

$$x_1 = \frac{n_{\text{совп.}}}{3};$$

2) Межуровневый конфликт. Определяется через расхождение в эмоционально-семантической близости одних и тех же ценностей при оценке в вербальной (предсознательный уровень) и визуальной (бессознательный уровень) модальностях (по принципу семантического дифференциала Ч. Осгуда) осуществлялся расчёт среднего евклидова расстояния между оценками в словесной и визуальной модальностях, нормированное на макс. расстояние $\approx 26,4$ балла):

$$x_2 = \frac{d_{\text{ср.}}}{26,4};$$

3) Инверсия иерархии. Доминирование установок, связанных с антисоциальными ценностями («Забота о себе», «Личные цели» и др.), в структуре нормативно-незаменимых (базисных) ценностей:

$$x_3 = \frac{n_{\text{анти.}}}{3};$$

4) Несогласованность с поведением. Выявляется при сопоставлении вербальных приоритетов («духовность», «милосердие») с объективными показателями регуляторного дефицита (импульсивность $\geq 2,5$; агрессия в личном опыте ≥ 50 баллов; физическая активность $\leq 1,5$). Отражает противоречие с декларируемыми ценностями (например, высокая импульсивность при приоритете «Духовности»). Служит индикатором когнитивно-аффективной рассогласованности:

$$x_4 = \frac{n_{\text{несогл.}}}{3}.$$

Итоговый индекс рассчитывался как среднее арифметическое нормированных компонентов:

$$D_{Vm} = \frac{x_1 + x_2 + x_3 + x_4}{4}.$$

Исходя из сказанного выше, показатель D_{Vm} отражает не содержание ценностей, а нарушение структурной целостности ЦСС. Согласно нашей гипотезе, именно этот параметр выступает патогенетически значимым механизмом дезадаптации в условиях ситуаций повышенной стрессованности, хронического стресса. В нашем исследовании значения D_{Vm} варьировались от 0 (полная согласованность и иерархическая упорядоченность) до 1 (максимальная фрагментация), при этом распределение оказалось бимодальным: одна мода соответствовала группе с относительно целостной ценностной структурой (0,22–0,28), другая – группе с выраженной дезинтеграцией (0,64–0,71). Медианные значения указывали на преобладание умеренных и выраженных нарушений целостности ценностно-смысловой сферы как в популяционной, так и в клинической выборке.

Множитель тяжести состояния (λ) позволял учитывать хронические расстройства, возраст и маркеры ресурсного истощения. В клинической группе значения λ варьировали в зависимости от диагноза: 1,0 — при остром стрессогенном ответе (аффективные расстройства F31, F33); 1,35 — при хронической дезадаптации с зависимостью (F10.212, F15.212); 1,62 — при органическом аффективном расстройстве F06.3 и эмоционально неустойчивом расстройстве личности F60.3. Значения λ (1,0; 1,35; 1,62) получены эмпирически через регрессионное моделирование, где зависимой переменной выступал композитный индекс дезадаптивного поведения (Z_{dev}), а независимой — диагностическая группа. Коэффициенты нормировались относительно группы F3x ($\lambda=1,0$), что дало относительные веса: 1,35 (95% ДИ: 1,28–1,42) для F10 и 1,62 (95% ДИ: 1,51–1,73) для F06/F60. Точность до сотых обусловлена статистической процедурой. Пациенты с ПТСР (F43.1) и смешанными тревожно-депрессивными расстройствами (F41.2) включены в группу F3x ($\lambda=1,0$), так как их картина соответствовала астено-апатической фазе без признаков органической дезорганизации. Анализ показал, что сочетание повышенного λ и высокого D_{Vm} коррелирует с выраженным уровнем психической дезадаптации.

Поведенческие проявления (В) оценивались через комплексный показатель (импульсивность, психологическое напряжение, легитимизация агрессии, фрагментация благополучия). Параметр внешней среды (Е) измерялся шкалой социальной фрустрированности (УСФ-20).

Включение в модель мультипликативного члена $\lambda \cdot D_{Vm}$ существенно увеличило объяснённую дисперсию поведенческого риска — до 74–78% в разных подвыборках. Это может указывать на модулирующее влияние взаимодействия ресурсного истощения и ценностной дезорганизации.

ROC-анализ подтвердил высокую прогностическую точность модели ($AUC = 0,89–0,90$), чувствительность и специфичность составили около 85%. Демографические переменные (пол, возраст, образование) после учёта D_{Vm} и λ не вносили значимого вклада. Это позволяет заключить, что структурные характеристики ценностно-смысловой сферы играют более существенную роль в регуляции деятельности, чем социально-демографические факторы.

Отдельно анализировалась когнитивно-аффективная несогласованность (расхождение между декларируемыми ценностями и реальными тенденциями в поведении). У лиц с высоким D_{Vm} такое расхождение встречалось чаще и коррелировало с риском самоповреждающего поведения, злоупотребления ПАВ.

Полученные данные указывают на важную роль нарушений внутренней согласованности ЦСС (межуровневая диссоциация, инверсия иерархии, фрагментация временной перспективы) в формировании дезадаптивных паттернов при хроническом стрессе. Хотя причинно-следственная связь требует дальнейшего изучения, структурная целостность

ЦСС может рассматриваться как механизм устойчивости или уязвимости личности в ситуациях повышенной стрессогенности.

Обсуждение результатов

Выполненное теоретико-математическое моделирование позволяет формализовать связи между параметрами адаптивного и дезадаптивного поведения в условиях повышенной стрессогенности. Ключевыми переменными выступают: уровневая организация ЦСС (сознательный, предсознательный, бессознательный уровни с потенциальным содержанием ценностей и антисоциальных установок) [32], степень их внутренней согласованности, устойчивость иерархии и интенсивность внешних воздействий [14].

На этой основе выделяются три принципиально различных состояния регуляции:

1) В норме ЦСС функционирует как ядро саморегуляции, обеспечивая целостность жизненного пространства, эластичность границ, согласованность ценностей, мотивов и поведения [33], сохранность целеполагания и смыслообразования [10]. Это дает возможность адекватно оценивать угрозы и сохранять онтологическую устойчивость.

2) В ситуациях адаптации к стрессу базовая иерархия сохраняется, но возникают временные напряжения: амбивалентность на предсознательном уровне, активация дезадаптивных установок из бессознательного [8], ригидность границ, снижение доступности ценностей. Это сопровождается кратковременным снижением осмысленности будущего и локуса контроля [17], нарушениями эмоциональной регуляции [12]. При наличии ресурсов эти нарушения обратимы.

3) При дезадаптации наблюдается выраженная деформация ЦСС: инверсия иерархии с доминированием «выживальческих» установок, нарастание внутренних конфликтов (внутри уровней и между ними), непроницаемость границ. Векторы сил вступают в самодеструктивные конфликты («требование быть сильным» против «запрета на слабость») [8]. Функция смыслообразования дезорганизуется, что ведет к фрагментации временной перспективы, «экзистенциальному вакууму» и росту риска суицидального или агрессивного поведения [34].

Проведенное теоретико-математическое моделирование позволяет рассматривать ценностно-смысловую регуляцию преимущественно как динамическую систему, а не статичную совокупность убеждений. Степень структурной согласованности данной сферы выступает фактором, модулирующим траекторию адаптационных процессов: вариативность исходов охватывает диапазон от адаптивной трансформации до выраженной психической дезинтеграции. Полученные данные указывают на функциональную значимость ценностно-смысловой сферы как центрального механизма, обеспечивающего сохранность барьера адаптации и устойчивость личности в условиях повышенной стрессогенной нагрузки.

Результаты верификации модели обосновывают целесообразность её внедрения в прикладные сферы. Формализованная структура, включающая трёхуровневую реконструкцию ценностно-смысловой сферы и количественную оценку деформаций, служит методологической базой для создания автоматизированных систем поддержки принятия решений (СППР), функционирующих на принципах искусственного интеллекта и машинного обучения.

В клинической практике модель рекомендуется к использованию как основа диагностико-прогностических алгоритмов. Особое значение это имеет для контингента пациентов, перенёсших тяжёлые стрессовые [35] или травматические события. Комплексная интеграция показателей внутренней согласованности ценностей, межуровневой диссоциации, иерархической устойчивости и ресурсного истощения в единый прогностический индекс обеспечивает выявление зон риска хронизации психопатологий и мониторинг эффективности терапии и с персонализацией коррекционных стратегий согласно доминирующему типу дезадаптации. Методология также применима для оценки результативности мероприятий психосоциальной [36] и медико-психологической реабилитации [37].

На управленческом уровне (региональном и корпоративном) модель адаптируется для задач мониторинга социально-психологического состояния. Региональные органы здравоохранения и социальной защиты вправе использовать СППР [38] с целью ранней идентификации групп риска социально-психологической дезадаптации в периоды экономической нестабильности, миграционной активности или кризисных событий [39]. В корпоративном секторе система применяется для оценки устойчивости персонала, профилактики профессионального выгорания и оптимизации программ поддержки, где акцент смещается с симптоматики на глубинные структурные характеристики регуляторного потенциала личности.

В корпоративном секторе разработанная система внедряется в рамках комплексного мониторинга психоэмоционального состояния и ценностно-смысловой сферы персонала.

Программно-методический диагностический комплекс, функционирующий на принципах искусственного интеллекта, позволяет осуществлять дифференцированную оценку структурной целостности ценностно-смысловой регуляции, выявлять индикаторы социальной фрустрированности, параметры самоконтроля и уровень легитимизации агрессии.

Диагностический алгоритм, основанный на ранжированных метриках индекса деформации ценностно-смысловой сферы, будет способен обеспечивать объективизацию управленческих решений о направлении на психологическое сопровождение и социальную адаптацию, персонализируя коррекционные стратегии в соответствии с доминирующим типом дезадаптации. Методология оценки базируется не на регистрации поверхностных симптоматических проявлений, а на анализе глубинных структурных характеристик регуляторного потенциала личности: внутриуровневой согласованности ценностей, отсутствия межуровневой диссоциации, иерархической устойчивости и когнитивно-аффективной конгруэнтности. Такой подход позволяет выявлять группы риска социально-психологической дезадаптации на ранних стадиях, своевременно корректировать программы организационной поддержки и обеспечивать проактивное управление психосоциальными рисками в условиях повышенной стрессогенной нагрузки.

Выводы

1. Теоретико-математическая реконструкция уравнения К. Левина позволила формализовать структурно-динамические взаимосвязи между ценностно-смысловой сферой личности, средовыми факторами и поведенческими исходами в условиях повышенной стрессогенности.

2. Результаты предварительной эмпирической апробации (в клинической выборке и в группе представителей условной нормы) свидетельствуют о статистически значимой прогностической ценности предложенных индексов деформации ценностно-смысловой сферы и множителя тяжести состояния в отношении рисков дезадаптивного поведения.

3. Установлено, что дезинтеграция ценностно-смысловой регуляции может выступать значимым фактором риска психической дезадаптации, однако причинно-следственные механизмы данного процесса требуют дальнейшего углубленного изучения.

4. Несмотря на полученные положительные данные, разработанная модель нуждается в дополнительной валидации на расширенных репрезентативных выборках и методологическом уточнении отдельных параметров перед возможным широким внедрением.

5. Перспективно применить модель в качестве основы систем поддержки принятия решений, в том числе на основе искусственного интеллекта, в клинической практике для оценки индивидуальных рисков и построения прогноза у лиц, перенесших тяжелые стрессовые ситуации.

6. Целесообразно применить модель в качестве основы систем поддержки принятия решений, в том числе на основе искусственного интеллекта, которые могут применяться региональными органами управления здравоохранения, оказания социальной поддержки населения, региональными администрациями и иными органами управления, а также в системах по работе с персоналом крупных корпораций.

7.

Список литературы

1. Гаджиева А.М., Василенко Т.Д. Особенности взаимосвязи тревоги и процессов психологической адаптации жителей Курской области в условиях вынужденного переселения. Медицинская (клиническая) психология: наука и практика: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. Курск: Курский государственный медицинский университет; 2025. С. 47-49. EDN LKZZEX.

2. Зюкина О.В., Василенко Т.Д. Особенности механизмов психологических защит у вынужденных переселенцев в период СВО. Медицинская (клиническая) психология: наука и практика: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. Курск: Курский государственный медицинский университет; 2025. С. 95-97. EDN PDSMEQ.

3. Блюм А.И., Василенко Т.Д. Личностные факторы адаптивного переживания ситуации неопределенности. Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2024;12(4):345-354. DOI: 10.23888/humJ2024124345-354

4. Ситкина Е.В., Смирнова Е.С., Исаева Е.Р. Исследование эмоционального состояния жителей Петербурга и Ленинградской области в связи с вынужденной самоизоляцией в период пандемии COVID-19. ВИЧ-инфекция и иммуносупрессии. 2022;14(1):115-120. DOI: 10.22328/2077-9828-2022-14-1-115-120. EDN JDPNZV.

5. Курбатов А.В., Курбатова Л.А. Ценностно-смысловая культура устойчивого развития. Культура и цивилизация. 2021;11(2A):26-35. DOI: 10.34670/AR.2021.13.39.004
6. Карпович Я.А., Радиевская Я.И. Ценностные ориентиры современной молодежи. В: Роль социально-гуманитарных дисциплин в формировании мировоззрения и профессиональной культуры будущего специалиста: Электронный сборник материалов межвузовской студенческой научно-практической конференции. Брест: БрГУ; 2023. С. 35-38.
7. Розанов И.А., Ратникова В.Ю., Половинкина А.В. Алкогольная зависимость и социально-стрессовые расстройства: структурно-динамические взаимосвязи и общие предикторы. Вопросы наркологии. 2025;37(6):60-81. EDN EMLQSO.
8. Шпорт С.В., Дубинский А.А., Проничева М.М., Розанов И.А. Ценностно-смысловые и индивидуально-психологические особенности личности как факторы риска девиантного поведения. Психология и право. 2025;15(2):185-206.
9. Дубинский А.А., Шпорт С.В., Булыгина В.Г. Современные отечественные исследования психологических индикаторов и факторов социальной напряженности. Мир науки. Педагогика и психология. 2024;12(6).
10. Ткаченко А.А., Демидова Л.Ю. Построение общей модели саморегуляции в судебной психиатрии. Сообщение 2. Внутренняя речь как механизм перекодировки смысла и значения. Российский психиатрический журнал. 2018;(6):17-26. EDN FOTJGO.
11. Ткаченко А.А., Демидова Л.Ю. Построение моделей саморегуляции в судебной психиатрии. В: Макушкин Е.В., Фастовцова Г.А. (ред.). Судебная психиатрия: современные проблемы теории и практики (диагностика, экспертиза, профилактика): материалы научно-практической конференции с международным участием. Москва: НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского; 2018. С. 159-161. EDN VMSKUA.
12. Василенко Т.Д., Петрачевская Ю.Л., Смирнов Н.В. Взаимосвязь уровня воспринимаемого стресса и эмоциональной дисрегуляции у участников СВО. Российский психиатрический журнал. 2025;(2):69-75. EDN NTHJPN.
13. Демченко Т.В., Исаева Е.Р. Эмоциональная и ценностно-смысловая сферы, самовосприятие и отношение к своему будущему в условиях тяжелого соматического заболевания (на примере пациентов с ОНМК). Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021;5(195):470-479. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2021.5.p470-479. EDN CFOSHI.
14. Ткаченко А.А., Демидова Л.Ю. Построение общей модели саморегуляции в судебной психиатрии. Сообщение 4. Ситуация: воспоминание о будущем. Российский психиатрический журнал. 2020;(1):27-41. DOI: 10.24411/1560-957X-2020-12003. EDN MVIHRU.
15. Белинская Е.П. Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды. Вестник Кемеровского государственного университета. 2022;24(6):760-771. DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-6-760-771
16. Василенко Т.Д., Солдатенко К.А. Жизнестойкость как фактор посттравматического роста. Медицинская психология на страже здоровья страны: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. Курск: Курский государственный медицинский университет; 2024. С. 228-230. EDN GRTEEJ.
17. Василенко Т.Д., Петрачевская Ю.Л., Смирнов Н.В., Гулаков Д.А. Восприятие травмирующего события участниками боевых действий. Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2025;(2):151-165. DOI: 10.28995/2073-6398-2025-2-151-165. EDN UOGCZC.
18. Ипатова К.А., Столярова А.А., Исаева Е.Р. К вопросу о восприятии временной перспективы у лиц, зависимых от психоактивных веществ. Национальный психологический журнал. 2023;18(4):53-62. DOI: 10.11621/npj.2023.0405. EDN HWTFEI.
19. Дубинский А.А., Проничева М.М., Розанов И.А., Горшкова М.Ю. Гендерные особенности ценностно-смысловой сферы населения РФ. Новые психологические исследования. 2025;5(4):241-254.
20. Шпорт С.В., Булыгина В.Г., Тюленев А.В., Розанов И.А., Дубинский А.А., Проничева М.М., и др. Программа для оценки риска социальной напряженности и социально-агрессивного поведения: Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2025687721. Российская Федерация; 2025.
21. Носс И.Н., Булыгина В.Г., Проничева М.М. Методология исследования ценностно-смысловых конструктов личности. Гл. 6. В: Фадеев В.А., Вархотов Т.А. (ред.). Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов: коллективная научная монография. М.: Нептун; 2023. С. 94-119.
22. Lewin K. Principles of Topological Psychology. New York: McGraw-Hill; 1936.
23. Lewin K. Defining the "Field at a Given Time". Psychological Review. 1943;50:292-310.

24. Сериков А.Е. Концептуальный конструкт «поведение» в теории поля Курта Левина. Гуманитарный вектор. 2020;(4):180-186.
25. Roşca V., Dziura B. From Life Space to Cyberspace: Reimagining Lewin's and Bourdieu's Field Theories for the Digital Era. Proceedings of the International Conference on Business Excellence. 2025;19:1666-1675. DOI: 10.2478/picbe-2025-0128.
26. Lindorfer B. Personality Theory in Gestalt Theoretical Psychotherapy: Kurt Lewin's Field Theory and his Theory of Systems in Tension Revisited. Gestalt Theory. 2021;43:29-46. DOI: 10.2478/gth-2021-0002.
27. Лебедева А.Б. Концептуализация теории поля Курта Левина в парадигме транзактного анализа. Транзактный Анализ в России. 2024;4(1):5-13. DOI: 10.56478/taruj2024415-13.
28. Шакирова Е.С. Антиценности современного российского общества. Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022;4(36):165-170. DOI: 10.24151/2409-1073-2022-4-165-170
29. Булыгина В.Г., Дубинский А.А., Носс И.Н., Проничева М.М., Пеева О.Д. Исследование ценностно-смысловой сферы в психологии (моно- и междисциплинарные подходы). Гл. 3. В: Фадеев В.А., Вархотов Т.А. (ред.). Ценностно-смысловые и интеллектуальные основания стратегического развития России в условиях глобальных вызовов: коллективная научная монография. М.: Нептун; 2023. С. 40-53.
30. Степанова Г.С. Особенности поколенной преемственности и рассогласованности ценностных ориентаций. Международный научно-исследовательский журнал. 2015;5-3(36):123-125.
31. Кулаева З.Т. Факторы формирования нравственных ценностей и антиценностей студенческой молодежи. Kant. 2018;2(27):91-94.
32. Ткаченко А.А., Демидова Л.Ю. Построение общей модели саморегуляции в судебной психиатрии. Сообщение 3. Рождение интенции. Российский психиатрический журнал. 2019;(2):17-27. DOI 10.24411/1560-957X-2019-11916. EDN CXPZOK.
33. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции. Вопросы философии. 1996;(4):15-26.
34. Лапшин В.Е., Шаманин Н.В. Особенности ценностно-мотивационной сферы личности подростков, склонных к девиантному поведению. Прикладная юридическая психология. 2022;1(58):54-63. DOI: 10.33463/2072-8336.2022.1(58).054-063
35. Bryant R. A critical review of mechanisms of adaptation to trauma: Implications for early interventions for posttraumatic stress disorder. Clinical Psychology Review. 2021;85:101981. DOI: 10.1016/j.cpr.2021.101981.
36. Исаева Е.Р., Мухитова Ю.В. Критерии оценки эффективности психосоциальной реабилитации: современное состояние проблемы. Социальная и клиническая психиатрия. 2017;27(1):83-90. EDN YIZWTV.
37. Mitikhin V., Solokhina T. Evaluation of the effectiveness of psychosocial rehabilitation: an innovative approach based on the analytic hierarchy process. European Psychiatry. 2024;67:S188-S189. DOI: 10.1192/j.eurpsy.2024.409.
38. Kovess-Masfety V., Lebreton-Lerouville G., Gilbert F. Use of mental healthcare system and forward planning. Regional and intraregional data. L'Encéphale. 2007:S157-S163.
39. Tutun S., Johnson M.E., Ahmed A., et al. An AI-based Decision Support System for Predicting Mental Health Disorders. Information Systems Frontiers. 2023;25:1261-1276. DOI: 10.1007/s10796-022-10282-5

References

1. Gadzhieva A.M., Vasilenko T.D. Features of the Interrelationship of Anxiety and Processes of Psychological Adaptation of Residents of the Kursk Region under Conditions of Forced Relocation. Medical (Clinical) Psychology: Science and Practice: Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference. Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet; 2025. P. 47-49. EDN LKZZEX. (in Russian)
2. Zyukina O.V., Vasilenko T.D. Features of the Mechanisms of Psychological Defenses in Forced Migrants during the Special Military Operation (SVO). Medical (Clinical) Psychology: Science and Practice: Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference. Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet; 2025. P. 95-97. EDN PDSMEO. (in Russian)

3. Blyum A.I., Vasilenko T.D. Personal Factors of Adaptive Experience of Uncertainty Situations. *Lichnost v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitie*. 2024;12(4):345-354. DOI: 10.23888/humJ2024124345-354 (in Russian)
4. Sitkina E.V., Smirnova E.S., Isaeva E.R. Study of the Emotional State of Residents of Saint Petersburg and the Leningrad Region in Connection with Forced Self-Isolation during the COVID-19 Pandemic. *VICH-infektsiya i immunosupressii*. 2022;14(1):115-120. DOI: 10.22328/2077-9828-2022-14-1-115-120. EDN JDPNZV. (in Russian)
5. Kurbatov A.V., Kurbatova L.A. Value-Semantic Culture of Sustainable Development. *Kul'tura i tsivilizatsiya*. 2021;11(2A):26-35. DOI: 10.34670/AR.2021.13.39.004 (in Russian)
6. Karpovich Ya.A., Radievskaya Ya.I. Value Orientations of Modern Youth. In: *The Role of Social and Humanitarian Disciplines in Shaping the Worldview and Professional Culture of Future Specialists: Electronic Collection of Materials from the Interuniversity Student Scientific and Practical Conference*. Brest: BrGU; 2023. P. 35-38. (in Russian)
7. Rozanov I.A., Ratnikova V.Yu., Polovinkina A.V. Alcohol Dependence and Social-Stress Disorders: Structural-Dynamic Interrelationships and Common Predictors. *Voprosy narkologii*. 2025;37(6):60-81. EDN EMLQSO. (in Russian)
8. Shport S.V., Dubinskiy A.A., Pronicheva M.M., Rozanov I.A. Value-Semantic and Individual-Psychological Features of Personality as Risk Factors of Deviant Behavior. *Psikhologiya i pravo*. 2025;15(2):185-206. (in Russian)
9. Dubinskiy A.A., Shport S.V., Bulygina V.G. Modern Domestic Studies of Psychological Indicators and Factors of Social Tension. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. 2024;12(6). (in Russian)
10. Tkachenko A.A., Demidova L.Yu. Construction of a General Model of Self-Regulation in Forensic Psychiatry. Message 2. Inner Speech as a Mechanism for Recoding Meaning and Significance. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal*. 2018;6(1):17-26. EDN FOTJGO. (in Russian)
11. Tkachenko A.A., Demidova L.Yu. Construction of Self-Regulation Models in Forensic Psychiatry. In: Makushkin E.V., Fastovtsova G.A. (eds.). *Forensic Psychiatry: Current Problems of Theory and Practice (Diagnostics, Examination, Prevention): Materials of the Scientific and Practical Conference with International Participation*. Moscow: NMITS psikhiatrii i narkologii im. V.P. Serbskogo; 2018. P. 159-161. EDN VMSKUA. (in Russian)
12. Vasilenko T.D., Petrashevskaya Yu.L., Smirnov N.V. Interrelationship of Perceived Stress Level and Emotional Dysregulation in SVO Participants. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal*. 2025;(2):69-75. EDN NTHJPN. (in Russian)
13. Demchenko T.V., Isaeva E.R. Emotional and Value-Semantic Spheres, Self-Perception and Attitude towards One's Future under Conditions of Severe Somatic Disease (on the Example of Patients with Stroke). *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 2021;5(195):470-479. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2021.5.p470-479. EDN CFOSHI. (in Russian)
14. Tkachenko A.A., Demidova L.Yu. Construction of a General Model of Self-Regulation in Forensic Psychiatry. Message 4. Situation: Memory of the Future. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal*. 2020;(1):27-41. DOI: 10.24411/1560-957X-2020-12003. EDN MVIHRU. (in Russian)
15. Belinskaya E.P. Coping with Difficulties in the Era of Uncertainty and Global Risks: Main Research Trends. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022;24(6):760-771. DOI: 10.21603/2078-8975-2022-24-6-760-771 (in Russian)
16. Vasilenko T.D., Soldatenko K.A. Resilience as a Factor of Post-Traumatic Growth. *Medical Psychology in Defense of the Country's Health: Collection of Scientific Papers from the International Scientific and Practical Conference*. Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet; 2024. P. 228-230. EDN GRTEEJ. (in Russian)
17. Vasilenko T.D., Petrashevskaya Yu.L., Smirnov N.V., Gulakov D.A. Perception of a Traumatic Event by Combat Participants. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie*. 2025;(2):151-165. DOI: 10.28995/2073-6398-2025-2-151-165. EDN UOGCZC. (in Russian)
18. Ipatova K.A., Stolyarova A.A., Isaeva E.R. On the Issue of Perception of Time Perspective in Persons Dependent on Psychoactive Substances. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal*. 2023;18(4):53-62. DOI: 10.11621/npj.2023.0405. EDN HWTFEI. (in Russian)
19. Dubinskiy A.A., Pronicheva M.M., Rozanov I.A., Gorshkova M.Yu. Gender Features of the Value-Semantic Sphere of the Population of the Russian Federation. *Novye psikhologicheskie issledovaniya*. 2025;5(4):241-254. (in Russian)
20. Shport S.V., Bulygina V.G., Tyulenev A.V., Rozanov I.A., Dubinskiy A.A., Pronicheva M.M., et al. Program for Assessing the Risk of Social Tension and Socially Aggressive Behavior:

Certificate of State Registration of Computer Program No. 2025687721. Rossiyskaya Federatsiya; 2025. (in Russian)

21. Noss I.N., Bulygina V.G., Pronicheva M.M. Methodology for Studying Value-Semantic Constructs of Personality. Ch. 6. In: Fadeev V.A., Varhotov T.A. (eds.). Tsennostno-smyslovye i intellektual'nye osnovaniya strategicheskogo razvitiya Rossii v usloviyakh global'nykh vyzovov: kollektivnaya nauchnaya monografiya. Moscow: Neptun; 2023. P. 94-119. (in Russian)

22. Lewin K. Principles of Topological Psychology. New York: McGraw-Hill; 1936.

23. Lewin K. Defining the "Field at a Given Time". Psychological Review. 1943;50:292-310.

24. Serikov A.E. Conceptual Construct "Behavior" in Kurt Lewin's Field Theory. Gumanitarnyy vektor. 2020;(4):180-186. (in Russian)

25. Roşca V., Dziura B. From Life Space to Cyberspace: Reimagining Lewin's and Bourdieu's Field Theories for the Digital Era. Proceedings of the International Conference on Business Excellence. 2025;19:1666-1675. DOI: 10.2478/picbe-2025-0128.

26. Lindorfer B. Personality Theory in Gestalt Theoretical Psychotherapy: Kurt Lewin's Field Theory and his Theory of Systems in Tension Revisited. Gestalt Theory. 2021;43:29-46. DOI: 10.2478/gth-2021-0002.

27. Lebedeva A.B. Conceptualization of Kurt Lewin's Field Theory in the Paradigm of Transactional Analysis. Tranzaktnyy Analiz v Rossii. 2024;4(1):5-13. DOI: 10.56478/taruj2024415-13. (in Russian)

28. Shakirova E.S. Anti-Values of Modern Russian Society. Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya. 2022;4(36):165-170. DOI: 10.24151/2409-1073-2022-4-165-170 (in Russian)

29. Bulygina V.G., Dubinskiy A.A., Noss I.N., Pronicheva M.M., Peeva O.D. Study of the Value-Semantic Sphere in Psychology (Mono- and Interdisciplinary Approaches). Ch. 3. In: Fadeev V.A., Varhotov T.A. (eds.). Tsennostno-smyslovye i intellektual'nye osnovaniya strategicheskogo razvitiya Rossii v usloviyakh global'nykh vyzovov: kollektivnaya nauchnaya monografiya. Moscow: Neptun; 2023. P. 40-53. (in Russian)

30. Stepanova G.S. Features of Generational Continuity and Discrepancy of Value Orientations. Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal. 2015;5-3(36):123-125. (in Russian)

31. Kulaeva Z.T. Factors of Formation of Moral Values and Anti-Values of Student Youth. Kant. 2018;2(27):91-94. (in Russian)

32. Tkachenko A.A., Demidova L.Yu. Construction of a General Model of Self-Regulation in Forensic Psychiatry. Message 3. Birth of Intention. Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal. 2019;(2):17-27. DOI: 10.24411/1560-957X-2019-11916. EDN CXPZOK. (in Russian)

33. Leontiev D.A. Value as an Interdisciplinary Concept: Experience of Multidimensional Reconstruction. Voprosy filosofii. 1996;(4):15-26. (in Russian)

34. Lapshin V.E., Shamanin N.V. Features of the Value-Motivational Sphere of Personality of Adolescents Prone to Deviant Behavior. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. 2022;1(58):54-63. DOI: 10.33463/2072-8336.2022.1(58).054-063 (in Russian)

35. Bryant R. A critical review of mechanisms of adaptation to trauma: Implications for early interventions for posttraumatic stress disorder. Clinical Psychology Review. 2021;85:101981. DOI: 10.1016/j.cpr.2021.101981.

36. Isaeva E.R., Mukhitova Yu.V. Criteria for Assessing the Effectiveness of Psychosocial Rehabilitation: Current State of the Problem. Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya. 2017;27(1):83-90. EDN YIZWTV. (in Russian)

37. Mitikhin V., Solokhina T. Evaluation of the effectiveness of psychosocial rehabilitation: an innovative approach based on the analytic hierarchy process. European Psychiatry. 2024;67:S188-S189. DOI: 10.1192/j.eurpsy.2024.409.

38. Kovess-Masfety V., Lebreton-Lerouvillois G., Gilbert F. Use of mental healthcare system and forward planning. Regional and intraregional data. L'Encéphale. 2007:S157-S163.

39. Tutun S., Johnson M.E., Ahmed A., et al. An AI-based Decision Support System for Predicting Mental Health Disorders. Information Systems Frontiers. 2023;25:1261-1276. DOI: 10.1007/s10796-022-10282-5

STRUCTURAL-DYNAMIC MODEL OF VALUE-SEMANTIC REGULATION OF ACTIVITIES: THEORETICAL-MATHEMATICAL RECONSTRUCTION BASED ON THE K. LEVIN EQUATION

Rozanov I.A.

E-mail: exelbar@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2607-8848>

Candidate of Science (Medicine), Senior Science Researcher of the Department of Psychoprophylaxis, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract. The purpose of the study: to develop a structural and dynamic model of value-semantic regulation of activity based on the K. Levin equation to describe the mechanisms of adaptation in conditions of increased stress. Materials and methods: a theoretical and mathematical reconstruction of the equation of behavior has been carried out. Empirical validation was performed on a sample of 1,398 conditionally normal respondents and 120 patients with non-psychotic mental disorders. The three-level assessment of the value-semantic sphere (conscious, preconscious and unconscious levels), the scale of social frustration, the severity multiplier (λ), the indices of deformation of the value-semantic sphere (DVM) were used. Regression and ROC analysis are applied. Results: Regression analysis showed that the coefficient of determination (R^2) for the generalized model was 0.779. This indicates that up to 77.9% of the variability in behavioral risk indicators in the clinical sample and in the conditional norm group is associated with predictors included in the model. A statistically significant moderating effect of the interaction between DVM and λ has been confirmed. The prognostic accuracy of the classification of the risk of mental maladaptation is high ($AUC=0.902$). The thresholds for the transition to unstable adaptation have been identified. Conclusions: The disintegration of the value-semantic sphere is one of the key mechanisms responsible for the risk of mental maladaptation. The model has a fairly high predictive value and is promising for use in decision support systems both in clinical practice (individual selection of therapeutic strategies, rehabilitation planning, monitoring of condition dynamics) and in the management of mental health system resources: personnel (optimizing the workload of specialists, distributing clinical cases by complexity level), financial (prioritization financing of preventive programs for at-risk groups), organizational (planning of the bed fund, patient routing) and time resources (early detection of prodromal conditions for timely intervention).

Keywords: value-semantic regulation, Levin's equation, maladjustment, stress, modeling, medical psychology, decision support systems.

For citation: Rozanov I.A. Structural-dynamic model of value-semantic regulation of activity: theoretical and mathematical reconstruction based on the equation of K. Levin. // Medical Psychology in Russia: online scientific journal. 2026. Vol. 18. No. 2 (91). Pp.79-93. URL: <https://doi.org/10.24884/2219-8245-2026-18-2-80-94>.

Дата принятия 01.04.2026

Accepted for publication 01.04.2026.for all articles №2(91) 2026